

**ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Студеникиной Ксении Андреевны
на тему: «Признаковые характеристики сочиненных конструкций с
общей структурой»
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика**

Диссертационное исследование Ксении Андреевны Студеникиной посвящено описанию признаковых характеристик сочиненных конструкций с общей структурой двух основных типов: 1) двух сказуемых с общим объектом (*Зрители удивлялись и радовались мастерству спортсменов*) и 2) двух показателей числа различных структурных типов при одной именной группе (*Рыжий и черный котенок забились под стол* и, например, *Два маленьких и пять подросших жеребят не смогли выскочить из вольера*). В первом случае рассматривались глаголы с совпадающим и несовпадающим управлением, во втором случае различные типы количественно-именных сочетаний в комбинации с формами ед. и мн. ч. существительных, включая

- а) продуктивные формы, образованные с помощью окончаний,
- б) непродуктивные супплетивные основы (типа *ребенок-дети*),
- в) основы с частичным супплетивизмом (типа *котенок-котята*),
- г) формы с дефектной парадигмой *pluralia* и *singularia tantum* (*чернила* и *родня*).

В основе интереса ко второму типу сочиненных конструкций лежит соотносимое описание болгарского языка Б. Харизанова и В. Грибановой [2015], которое показало, что имена, имеющие супплетивные формы мн.ч., в контексте сочиненных прилагательных используются исключительно в форме ед. ч. (например, *Воспитанный и избалованный ребенок вряд ли уживутся в одной игровой комнате*). Это интересное наблюдение оказалось полностью справедливо и для русского языка, что до сих пор не было проверено с помощью корпусного и экспериментального специального исследования.

Работа К.А. Студеникиной позволила верифицировать это важное открытие, имеющее как практическое, так и теоретическое значение.

Работа содержит самостоятельно выполненное и смоделированное автором исследование указанных феноменов. Применяется комбинация трех основных методов: корпусный анализ и эксперимент с оценкой грамматической приемлемости разных типов предложений и грамматичных и аграмматичных филлеров, а также измерение скорости чтения отдельных компонентов рассматриваемых конструкций. Сравнение усредненных показателей приемлемости с обоими типами филлеров и анализ скорости чтения общих именных компонентов, а также координируемых с ними глаголов во втором типе позволяет достоверно судить об интерпретации информантами изучаемых конструкций. Дизайн экспериментов и детали обработки данных не вызывают сомнения в высокой компетентности исследователя.

Теоретическую значимость работы можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, автор делает существенный вклад в ту теоретическую платформу, которой он придерживается: исследование позволяет аргументированно выбрать одну из нескольких возможных синтаксических интерпретаций рассматриваемого материала с точки зрения минималистского направления. В двух обширных вводных главах автор подробно излагает теоретические подходы к понятию признаков и категорий (глава 1) и возможные интерпретации «конструкций с подъемом правого узла» (глава 2). Во второй главе представлены три интерпретации: АТВ-передвижение, эллипсис, или сочинительное сокращение, и множественно-подчиненная структура. В результате проведенного исследования автор склоняется к более современной последней модели, что и отражено в выводах к работе. Это несомненный вклад в ту разновидность синтаксиса, в рамках которой работает автор, однако для представителей других направлений он недостаточно очевиден из-за того, что изложение перегружено специфическими терминами, многие из которых имеют и традиционные

обозначения. Это упрек не автору работы, а всему теоретическому направлению: оно должно выработать дружественные к читателю модели описания, чтобы его достижения стали более широко известны.

Теоретическое значение диссертации не исчерпывается развитием конкретной синтаксической парадигмы. При помощи скрупулезного экспериментального анализа автор подтвердил актуальность наблюдений Б. Харизанова и В. Грибановой для русского языка, а также уточнил рамки допустимого использования грамматических вариантов в высказываниях с общей структурой. Можно предположить и более далеко идущие следствия этого. Так, напрашивается вывод о том, что супплетивные формы ед. и мн. числа представляют собой отдельные единицы ментального лексикона (похожие на *pluralia* и *singularia tantum*), которые в процессе речепорождения активируются целиком и не получают дополнительных маркеров числа в отличие от морфологически образуемых оппозиций по числу, составляющих одну лемму.

Эти выводы определяют **практическую значимость** диссертации: необходимо рассматривать эти особенности в курсе морфологии и синтаксиса русского языка и при анализе ментального лексикона в курсе психолингвистики. Кроме того, заслуживает внимания дизайн экспериментов и их детальное описание и последующий статистический анализ и визуализация результатов. Все это выполнено на высоком профессиональном уровне.

После сказанного не нуждается в обосновании **актуальность темы**: в диссертации предпринято важное для современного этапа описание глагольных и именных сочиненных конструкций с общей структурой, рассмотрены элементы взаимного влияния морфологии и синтаксиса на основе того, как именно носители языка воспринимают реализацию форм числа и падежа различных лексико-грамматических групп существительных. Добытые в экспериментальных условиях сведения представляют собой новые, уточненные знания о грамматике русского языка, позволяющие пролить свет

и на общую природу речепорождения. Не все первоначальные гипотезы подтвердились. Так, в ходе экспериментов выяснилось, что падежный синкретизм, особенно заметный в третьем женском склонении на согласный, не повышает приемлемости предложений, в которых такие дополнения встречаются после глаголов с разными моделями управления, ср. на с. 128:

(4.26) а. Прихожане верили _____{Dat} и внимали _____{Dat} *речи*_{Dat} этого священника.

б. ??? Прихожане требовали _____{Gen} и внимали _____{Dat} *речи*_{Dat} этого священника.

Между тем, заметно, что второе предложение б менее приемлемо, чем первое. На мой взгляд, это обусловлено обязательной валентностью переходного глагола, в то время как в примере а возможно и абсолютное употребление без дополнения. К этому мы еще вернемся в замечаниях. Пока что отметим также, что в экспериментах с глагольным сочинением не было обнаружено различий во времени чтения общего дополнения. Эти и подобные результаты обеспечивают **новизну предпринятого исследования**.

Достоверность результатов обеспечена вниманием ко всем деталям экспериментов: подробно описана процедура их проведения, поиск и характеристики информантов, особенности дальнейшей статистической обработки и интерпретации. Апробация и отражение итогов наблюдения в печати убеждает в том, что исследование прозрачно для реанализа и может быть использовано в дальнейших разработках самого автора и других ученых.

Работа хорошо написана и тщательно вычитана: мы не нашли ни одной неточности или опечатки, при большом объеме она имеет четкую структуру, разбита на логичные главы, каждая из которых содержит выводы и обобщения. Несмотря на специфическую и не всегда простую терминологию ее легко читать. Итак, мы приходим к выводу, что диссертация К.А. Студеникиной представляет собой завершенное самостоятельное исследование, выполненное на высоком профессиональном уровне. Именно поэтому мы можем предложить некоторые вопросы для дискуссии.

1) В рамках избранной модели описания оба типа сочиненных конструкций с общей структурой рассматриваются как конструкции «с подъемом правого узла», к которым применим анализ с множественным подчинением. Однако грамматичными оказываются только те конструкции, в которых объект сочетается со вторым глаголом или со вторым числительным. Очевидно, что сила связи с первым глаголом или числительным ослаблена. Так, в приведенном выше примере 4.26а глагол *верить* воспринимается как абсолютивный, в то время как *требовать* из-за своей аккузативной валентности не может так использоваться, поэтому предложение аграмматично. Можно ли говорить о множественном подчинении, если грамматическую валентность проявляет только последний элемент сочиненного ряда?

2) Аналогично, на с. 145 читаем: «При наличии числительного только в одном конъюнкте более приемлемым оказывается его расположение во втором, а не в первом конъюнкте... Предложения, где числительное присутствует только в первом конъюнкте и отсутствует во втором, оказываются значимо менее приемлемы, чем предложения без числительных...». Этот факт и то, что форма числа имени определяется вторым конъюнктом как будто бы противоречит концепции множественного подчинения (как минимум, говорит о различной силе синтаксических связей между двумя конъюнктами и общим элементом).

3) При описании эксперимента отмечено, что чтение происходило пословно, причем после прочтения произнесенное слово на экране заменялось на прочерк (с. 108). Могло ли это повлиять на результаты эксперимента в том смысле, что связь между первым конъюнктом и общей структурой еще более ослаблялась при исчезновении прочитанных слов и актуальной оставалась только вторая синтаксическая связь?

4) Результаты проведенного корпусного анализа почти во всех случаях приводят автора к заключению, что полученных примеров слишком мало для статистически грамотных выводов. Между тем, малое количество говорит о том, что носители языка избегают конструкций с общим компонентом из-за их возможной неоднозначности. Так, в примере 6.9 возникает нежелательная двусмысленность: сочетание с ед. ч. «притягивает» монореферентную интерпретацию, т.е. такое понимание, при котором один ребенок оказывается одновременно и усидчивым, и подвижным. Низкая частотность конструкции в данном случае является знаком ее ущербности.

(6.9) а. Усидчивый и подвижный ребенок сыграли в шахматы.

б. *Усидчивый и подвижный дети сыграли в шахматы.

Можно предположить, что носители языка окажутся смелее в устной речи с ее ослабленными синтаксическими связями. Есть ли данные об этих конструкциях в спонтанной устной речи?

1) В примерах 4.2b b и d глагол *раздразниться* имеет валентность на дат. п. Это очень редкий случай (3 примера из примерно 1900), в то время как в норме он может управлять тв. п. (104 случая при беглом поиске). Мог ли неверный выбор падежа при поиске повлиять на результаты?

Мои вопросы и сомнения несколько не снижают общее очень положительное впечатление от диссертации. Она отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно

требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Студеникина Ксения Андреевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент,
заведующий отделом теории грамматики
ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук»
ВОЕЙКОВА Мария Дмитриевна

подпись

20.02.2026

дата подписания

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.02.01 – Русский язык

Адрес места работы:

199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук», отдел теории грамматики
Тел.: 7 (921) 371-86-89; e-mail: maria.voeikova@gmail.com

Подпись сотрудника отдела теории грамматики ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук» М.Д. Воейковой удостоверяю: